

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации Сеницына Сергея Андреевича
*«Общее учение об абсолютных и относительных субъективных
гражданских правах»,*

Москва, 2017,

на соискание ученой степени доктора юридических наук
по специальности 12.00.03 – гражданское право;
предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Насколько можно судить по автореферату и тем публикациям диссертанта, с которыми автору этих строк довелось познакомиться, диссертация С.А. Сеницына представляет собой весьма обстоятельное исследование фундаментального вопроса общей теории абсолютных и относительных субъективных гражданских прав. Среди других исследований, посвященных данной проблематике, эту диссертацию выделяет ярко выраженный сравнительно-правовой характер, что позволило автору сформулировать оригинальные и заслуживающие внимания предложения по совершенствованию российской доктрины, законодательства и правоприменительной практики. Значительное внимание уделено в работе исследованию истории вопроса. Отдельно следует упомянуть широкий круг источников, использованных автором в качестве научной базы диссертационного исследования. С.А. Сеницын давно известен своими публикациями по тематике диссертационного исследования, и предложенная к защите диссертация является закономерным итогом многолетних исследований.

В целом напрашивается вывод, что данная работа представляет собой квалифицированный труд ученого, отвечающий требованиям, предъявляемым в Российской Федерации к диссертациям на соискание ученой степени «доктор юридических наук» по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Не вдаваясь в перечисление тех выводов и суждений автора, с которыми считаю возможным и нужным согласиться, полагаю правильным сосредоточиться в отзыве на автореферат только на тех позициях С.А. Сеницына, которые мне представляются спорными.

1. на стр.5 автореферата указано: *«субъективные права исторически и по существу являются базовым, если не главным, элементом гражданско-правового регулирования и системы частного права в целом»*. Не ясно, как это утверждение соотносится с известным тезисом о том, что римское право – основа цивилистики - представляло собой не систему субъективных прав, а систему исков, который разделяет и С.А. Сеницын, насколько можно судить по его работам.

2. не ясно, какими критериями руководствовался диссертант при селекции тех перечисляемых на ст. 9 – 10 автореферата иностранных авторов, на труды которых он опирался при проведении компаративного анализа. Так, понятно, почему для его работы имели значение работы Р. Иеринга, но не ясно, почему он не уделил внимания «германистам» (например, О. Гирке). Далее, почему – то в чешской цивилистике диссертант находит ценными даже статьи и главы в учебниках, а работы польских и даже итальянских коллег его не заинтересовали вовсе.

3. из утверждений диссертанта на стр. 13 – 14 и далее автореферата следует, что единственный смысл обращения в рамках исследуемой им темы к англо-американскому праву состоит лишь в констатации полной бессмысленности такого обращения ввиду чужеродности английской доктрины континентальному праву. Однако автор забыл о существовании многочисленных т.н. смешанных юрисдикций, в которых английское право успешно синтезировалось с восходящей к римскому праву цивилистической традицией (Луизиана, Южная Африка, Шотландия и т.д.). Очевидно, именно там надо было искать путь к успешному доктринальному совмещению английской и континентальной правовых традиций. Это упущение тем более странно, что диссертант является автором главы в коллективной монографии

о гармонизации гражданского права стран БРИКС, одной из которых является ЮАР.

4. на стр. 14 автореферата С.А. Сеницын отвергает допустимость, обоснованность и эффективность использования методов экономического анализа права как нивелирующих самостоятельность права. В то же время на страницах автореферата диссертант постоянно говорит о научном исследовании правовых концепций, понятий и классификаций. В результате представляется, что методологической основой диссертационного исследования является «юриспруденция понятий» (*Begriffsjurisprudenz*), - метод «пандектной доктрины» XIX века.

Однако этот метод базировался на аксиоматической предпосылке объективного существования системы права, в этом смысле подобной законам физики, химии или математики, которые сознание человека не конструирует, а «открывает». Очевидно, в современных условиях подобное понимание научности права может обосновываться разве что известным изречением церковного писателя Тертуллиана: *credo, quia absurdum est!* Само существование правовых систем, альтернативных «континентальному» праву (в частности, критикуемого диссертантом англо-американского права) приводит к неизбежному выводу о том, что правовые понятия имеют конвенциональный характер (что конечно не исключает необходимости их логической согласованности). А вот «творческое конструирование» этих понятий определяется соображениями социальной и экономической эффективности права, то есть тем, что Л. Петражицкий именовал «политика права». Отсюда вытекает и необходимость изучения социально-экономического эффекта применения правовых норм, с целью прогнозирования практических последствий их регулирующего воздействия для общества. Именно упомянутая необходимость и вызвала к жизни «экономический анализ права».

5. на стр. 28 автореферата утверждается, что в российской цивилистике «настоящее диссертационное исследование является первым

опытом научно-теоретического осмысления и разрешения проблем понятия и соотношения абсолютных и относительных субъективных прав на монографическом уровне». Однако в 2007 г. в СПбГУ была успешно защищена объемная диссертация А.О. Рыбалова «Проблемы классификации гражданских правоотношений», «львиная доля» которой посвящена тем же самым вопросам, которые исследует С.А. Сеницын в своем труде. Остается гадать, то ли диссертант не знает о существовании работы предшественника, то ли ценит ее столь низко, что даже не считает нужным упоминать о ее хронологическом первенстве.

6. Краеугольным камнем разработанного С.А. Сеницыным общего учения является тезис о том, что сущностными критериями выделения абсолютных прав являются *«непосредственная правовая связь субъекта с объектом прав»* и осуществление такого права *«волей управомоченного лица»*, которая *«не требует и не зависит от поведения третьих лиц»* (стр. 50 автореферата), а отнюдь не возможность защиты такого права от нарушения со стороны неопределенного круга лиц, его бессрочность или неограниченный характер. На стр. 42 автореферата он прямо указывает: *«абсолютность прав...характеризует содержательные признаки и свойства субъективного права – непосредственность и независимость управомоченного лица в осуществлении конкретных правомочий, заложенных в содержание субъективного гражданского права».*

Оставляя в стороне непростой вопрос о степени новизны описанного подхода, отметим, что в рассматриваемом аспекте позиция диссертанта не лишена противоречий. Так, на стр. 37 автореферата, говоря об относительных правах, С.А. Сеницын сам указывает: *«однако и обязательственные права, существующие между конкретными участниками договорных отношений, возникают и осуществляются непосредственно на основании интересов контрагентов и независимо от любых третьих лиц, в чем при желании может быть усмотрена их непосредственность и абсолютность».*

Между тем, например на стр.19 автореферата обязательственные права, наряду с корпоративными и наследственными, прямо отнесены диссертантом к относительным правам.

Но если обязательственные права являются относительными, и при этом, по мнению диссертанта, им присущи выделенные С.А.Синицыным сущностные признаки абсолютных прав, то из этого логически вытекает тождество абсолютных и относительных прав!

Содержание автореферата не дает возможности разрешения указанного парадокса, поскольку еще один встречающийся на страницах данной работы способ классификации абсолютных и относительных прав, а именно – отнесение абсолютных прав к статике гражданских правоотношений, а относительных прав – к их динамике (стр.19 автореферата), является вполне умозрительным, и с практической точки зрения явно малопригодным, поскольку сам диссертант указывает на то, что исторически отдельные востребованные оборотом типы абсолютных прав сначала возникают в договорных отношениях, и лишь потом уже закрепляются законодателем как устоявшиеся типы отношений в качестве поименованных им вещных прав (стр.24 – 25 автореферата).

7. Указанная неопределенность выделяемых диссертантом критериев разграничения абсолютных и относительных прав заставляет усомниться в адекватности высказанного им на стр. 17 автореферата тезиса о том, что *«различия между вещными и обязательственными правами как видами субъективных гражданских прав состоят в подотраслевых принципах регулирования, и осуществления этих субъективных прав, а не в сформулированных доктриной их отличительных признаках, поскольку такие признаки выражают собой аксиоматические постулаты, и их использование при классификации природы конкретного субъективного права неэффективно»*. Но ведь для того, чтобы применить соответствующие подотраслевые принципы регулирования, надо сначала определить, какие именно принципы подлежат применению, то есть, имеет ли дело

правоприменитель с вещным правом, или, наоборот, с обязательственным! Формальный подход к этому вопросу блокируется отрицанием С.А. Сеницыным применимости принципа закрытого перечня (*numerus clausus*) вещных прав. Содержательный подход как видно затрудняется зыбкостью и неопределенностью предлагаемых диссертантом критериев разграничения относительных и абсолютных прав.

8. на стр. 25 автореферата диссертант утверждает, что им обоснована несостоятельность научно-теоретического моделирования смешанных типов субъективных гражданских прав (вещно-обязательственных, абсолютно-относительных, квазиабсолютных и др.), которая, по его мнению, обусловлена ошибочной квалификацией правоотношений. При этом, насколько можно судить по приведенной на стр. 51-53 автореферата аргументации, обоснование диссертантом несостоятельности упомянутых позиций сводится к тому, что они нарушают стройность имеющейся классификации, и не предлагают взамен собственной новой классификации, а это опасно для оборота. Между тем, критикуемые автором диссертации доктрины как раз были вызваны к жизни необходимостью логического описания тех переходных правовых форм, которые появились в правовом обиходе, откликаясь на потребности оборота.

Если уж С.А. Сеницын полагает правильным уподобление эпистемологии науки права естественным наукам (о чем речь шла ранее), то ему следовало бы в этой связи обратить внимание на то, что в природе «идеальные формы» встречаются крайне редко, и гибридные, смешанные типы гораздо более типичны, чем чистые идеальные образцы. Достаточно вспомнить о том, что многие химические элементы «таблицы Менделеева» вообще не встречаются в природе в чистом виде.

В этой связи полезно иметь в виду, что именно «утрамбовывание» многообразных явлений практической жизни в «прокрустово ложе» заранее заданных умозрительных классификационных схем привело к методологическому крушению пандектистики, так что Пауль Кошакер уже в

1947 г. вынужден был констатировать, что воспоминание о пандектистской учености, одном из главных достижений немецкой юридической мысли, замечательно быстро исчезло как в доктрине, так и в практике немецкого частного права.

9. не убеждают тезисы диссертанта о том, что возможность абсолютной защиты не является конституирующим признаком абсолютного права. Они базируются на отрицании существования абсолютного гражданского правоотношения с неопределенным кругом лиц, которая, вслед за некоторыми зарубежными авторами, подменяется им публично-правовой обязанностью всех и каждого воздерживаться от нарушения любого субъективного права (включая относительные права) (стр. 35 и сл. автореферата).

Закономерным итогом дезавуирования категории абсолютного правоотношения оказывается признание диссертантом правовой связи субъекта права с объектом права (стр. 50). Однако право регулирует общественные отношения, то есть отношения между людьми, а не между людьми с одной стороны, и неодушевленными предметами – с другой, так что упомянутая «правовая связь» субъекта права с его объектом в любом случае не является правоотношением (то есть урегулированным правом общественным отношением). В результате в сформулированном С.А.Синицыным «общем учении» правоотношение исчезает как таковое, и получается, что объективное право поведение людей вообще не регулирует.

В подкрепление своей позиции диссертант настаивает на том, что «абсолютная защита» присуща и абсолютным и относительным правам, поскольку *«правопорядок не может выборочно допускать нарушение одних прав и запрещать нарушение других»* (стр. 24 автореферата).

Однако именно этот тезис с легкостью опровергается существованием «натуральных обязательств», права кредиторов по которым правопорядок признает, но не защищает (см. например пункт 1 ст. 1062 ГК РФ).

С другой стороны, сам диссертант отстаивает тезис о том, что абсолютная защита относительных прав осуществляется деликтными исками (стр. 26 автореферата), условия удовлетворения которых очевидно отличаются от вещных исков.

Между тем, доктрина «генерального деликта» как таковая не связана с идеей абсолютных правоотношений, так что обоснование принципа всеобщей охраны обязательственных прав возможно и без использования догматической схемы признания кредитора по обязательству участником абсолютного правоотношения с неопределенным кругом лиц. Например, для этого можно использовать доктрину злоупотребления правом.

10. Известной противоречивостью страдают и тезисы диссертации относительно правовой природы реституционного правоотношения. С одной стороны, на стр. 46 автореферата С.А. Сеницын дважды употребляет словосочетание *«реституционное правоотношение»*. С другой стороны, ранее на стр.44 автор отказывается видеть в реституции *«основание возникновения абсолютных и относительных субъективных гражданских прав и правоотношений, которые можно было бы классифицировать по видовым и родовым признакам»*. В результате остается загадкой, существует ли по мнению автора (к тому же отвергающего учение о разграничении регулятивных и охранительных правоотношений) упомянутое *«реституционное правоотношение»*, и если да, то каково его содержание.

При этом вызывает сомнения новизна критики диссертантом идеи квалификации реституции как способа защиты гражданских прав, которую он приписывает «господствующему учению». Представление о том, что для удовлетворения требования о реституции лицо, заявившее такое требование, должно обладать субъективным правом на истребуемое имущество, которое оно таким образом защищает, из известных авторов специально занимающихся этой темой сейчас отстаивает пожалуй только Д.О. Тузов, который впрочем отвергает само наличие реституции как особого средства

защиты, полагая, что под этим наименованием всегда скрывается либо кондикция, либо виндикация.

Представляется, что остальные авторы, высказывающиеся на эту тему, находятся в русле тех же идей, которые отстаивает С.А. Сеницын. Отсюда кстати проистекает и популярное сравнение реституции с владельческой защитой с точки зрения иррелевантности наличия у лица, требующего реституции, какого-либо субъективного права на переданное им во исполнение недействительной сделки имущество.

Наконец, нельзя не отметить, что утверждение диссертанта о том, что реституция *«является императивной обязанностью для сторон недействительной сделки»* (стр. 46 автореферата) не соответствует содержанию действующего законодательства. Во-первых, реституция в абсолютном большинстве случаев может иметь место лишь по инициативе стороны недействительной сделки, или иного лица, специально наделенного законом правом требовать реституции (пп. 3 -4 ст. 166 ГК РФ). Во-вторых, предписания пункта 3 ст. 431.1 ГК РФ *expressis verbis* допускают возможность для сторон предпринимательского договора, признанного недействительным, предусмотреть иные последствия его недействительности, чем реституция, если это не затрагивает интересов третьих лиц. Указанные законоположения недвусмысленно манифестируют диспозитивный характер реституции *de lege lata*, вопреки утверждению диссертанта о ее императивном характере.

11. Столь же небесспорным представляется и тезис С.А. Сеницына о том, что им доказана необоснованность разграничения регулятивных и охранительных правоотношений в гражданском праве, и вытекающая из этого тезиса невозможность существования особого «виндикационного правоотношения», как относительного (обязательственного) правоотношения, качественно и содержательно иного, чем абсолютное (вещное) право, нарушение которого повлекло за собой возникновение этого охранительного правоотношения.

Во-первых, приведенные на стр. 28 и 47 автореферата утверждения уже неоднократно высказывались цивилистами прошлого, последователем которых в этом смысле является диссертант.

Во-вторых, судебнo-арбитражная практика, уже много лет имевшая возможность следить за этой дискуссией, и выслушать все возможные аргументы *pro et contra*, в итоге явно пошла по пути восприятия правоотношения, возникающего между субъектом вещного права и нарушителем данного права, как обязательства *sui generis*.

Об этом свидетельствует, в частности, закрепленное в последние годы в правовых позициях высших судебных инстанций применение правил ст. 201 ГК РФ о последствиях перемены лиц в обязательстве для течения исковой давности к исчислению исковой давности по виндикационным искам, и предусмотренного для кредиторов по обязательству в пункте 1 ст. 308.3 ГК РФ института астрента для защиты интересов истцов по негаторным искам.

Таким образом, можно сделать вывод, что потребности оборота лучше обслуживаются учением о разграничении регулятивных и охранительных правоотношений, чем его оппонентами. Данное обстоятельство «подмывает» высказанный на стр. 47 автореферата тезис диссертанта о «*практической бессмысленности*» выделения охранительных и регулятивных прав.

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9, тел. 8 (812) 329- 28- 30, gr_pravo@jurfak.spb.ru

Доктор юридических наук

Профессор кафедры гражданского права

Юридического факультета

Санкт-Петербургского

государственного университета

А.Д. Рудоквас

Личную подпись Рудокваса Антона Дмитриевича заверяю
Документ подготовлен по личной инициативе
Текст документа размещен в открытом доступе на сайте СПбГУ по адресу
<http://spbu.ru/science/expert.html>

Ведущий специалист по кадрам

И.В. Гладкая